

Е.В. Писарев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: криминалистическая информация; информационное взаимодействие; эксперт; экспертное заключение; доказательство; следователь; тождественное отражение.

Аннотация: Изучение аспектов информационного взаимодействия субъекта доказывания с экспертом продиктовано уникальностью процессуального положения эксперта, поскольку он, так же как и следователь, принимает участие в формировании доказательств – составляет заключение эксперта. Заключение эксперта – достаточно сложное по форме и содержанию уголовное доказательство. Следователь, познавая обстоятельства преступного события, путем изучения заключения и выводов эксперта не непосредственно взаимодействует с объектом, а изучает познавательное содержание, которое уже отражено. В этом случае имеет место анализ объекта, хотя этот анализ совершается не путем непосредственного взаимодействия с объектом, а путем изучения того познавательного содержания, которое уже отражено. Знаковая система в данном случае – не «вторая действительность», которая в процессе познания замещает «первую действительность» – мир реальных предметов, а лишь способ возможной познавательной деятельности субъекта доказывания с единственной действительностью, с которой он имеет дело в процессе познания, – с реальным объектом. Но объект в данном случае предстает перед следователем не непосредственно в виде чувственно-воспринимаемого предмета, следа (как при осмотре места происшествия), а опосредованно, через видение других лиц.

В статье опровергаются точки зрения, согласно которым субъект доказывания не в состоянии оценить научную обоснованность выводов эксперта. Процесс познания при производстве судебных экспертиз достаточно сложен сам по себе, а кроме того, зависит от целого ряда факторов и обстоятельств. Как любое доказательство, следователь должен оценить заключение эксперта с точки зрения допустимости, относимости, достоверности и доказательственного значения. Допустимость заключения эксперта зависит от полного соответствия требованиям ст. 204 УПК. Достоверность и относимость такого доказательства характеризуют исследовательскую часть заключения эксперта и выводы. Такая оценка доказательств, с точки зрения информационного взаимодействия, является одним из условий формирования тождественных знаний у субъекта доказывания.

Эксперт, как участник уголовного процесса, появляется в связи с назначением судебной экспертизы органом предварительного расследования или судом (ст. 57 УПК РФ). Уникальность фигуры эксперта в уголовном процессе состоит в том, что он наряду с субъектом доказывания участвует в формировании доказательств – составляет «заключение эксперта». В соответствии с ч. 1 ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – это «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

Представляется привлекательным определение рассматриваемого понятия, данное Е.Я. Селиной: «Экспертное заключение – это источник доказательств, в котором сведения о фактах предстоят в виде выводов сведущего лица, произведшего исследование доказательств и иных объектов, предоставленных ему следователем (дознавателем, прокурором, судом) для исследования об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, о которых ему были поставлены вопросы» [1, с. 55].

Заключение эксперта – это достаточно сложное по форме и содержанию уголовное доказательство. Допустимость заключения эксперта зависит от полного соответствия требованиям ст. 204 УПК. Также необходимо, чтобы соответствовало требованиям УПК и постановление о назначении экспертизы. «Допустимость заключения эксперта предполагает надлежащего субъекта экспертизы, процессуальную пригодность ее объектов, соблюдение процессуального порядка назначения и проведения экспертизы и правильное оформление ее результатов» [1, с. 63].

Достоверность и относимость такого доказательства характеризуют исследовательскую часть заключения эксперта и выводы. Экспертная методика должна быть научно обоснованной и апробированной. Выводы должны быть непосредственно связаны с содержанием и результатами исследований, логически соответствовать им и вместе определять доказательность заключения эксперта [2, с. 148]. В частности, в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 8) [3], говорится: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

Учитывая требования, предъявляемые к оценке доказательств, достаточно трудно согласиться с точкой зрения А.Р. Белкина о невозможности оценки заключения эксперта субъектом доказывания: «Орган, назначивший экспертизу, не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов эксперта, ни правильность выбора и применения им методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям соответствующей области знания, поскольку для такой оценки этот орган должен обладать теми же познаниями, что и эксперт» [4, с. 234]. В таком случае представляется невозможным говорить о доказательственном значении заключения эксперта, смысл исследования которого, а соответственно и выводы, остается непонятым следователем.

Следователь, познавая обстоятельства преступного события путем изучения заключения и выводов эксперта, действует опосредованно, познавая некую знаковую форму. Однако на самом деле имеет место анализ объекта,

хотя этот анализ совершается не путем непосредственного взаимодействия с объектом, а путем изучения того познавательного содержания, которое уже отражено. Знаковая система в данном случае – не «вторая действительность», которая в процессе познания замещает «первую действительность» – мир реальных предметов, а лишь способ возможной познавательной деятельности субъекта доказывания с единственной действительностью, с которой он имеет дело в процессе познания, – с реальным объектом. Но объект в данном случае предстает перед следователем не непосредственно в виде чувственно-воспринимаемого предмета, следа (как при осмотре места происшествия), а опосредованно, через видение других лиц. Результаты исследования этих лиц, также являющихся субъектами познаний, изложенные в заключении эксперта, позволяют следователю получить тождественные знания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Таким образом, в описываемом случае информационного взаимодействия имеет место тройное отражение криминалистической информации. Сначала информация, содержащаяся в материальном источнике (контекстно-независимая), отражается в интеллекте эксперта в виде тождественных знаний об одном из обстоятельств расследуемого события (например, следы пальцев рук, оставленные на месте происшествия, оставлены подозреваемым И.). При этом тождественность знаний обеспечивается достоверными, научно-обоснованными методиками производства той или иной экспертизы. Затем эти тождественные знания отражаются (тиражируются) в знаковой форме в виде выводов экспертного заключения, тождественность которых подтверждается описанием методики, которое содержится в основной части заключения. Получателем знаний эксперта, содержащихся в заключении, является следователь, в интеллекте которого, в свою очередь, отражается информация, извлеченная и адаптированная к целям доказывания.

Однако сказанное не означает, что следователь ограничивается простым тиражированием знаний эксперта. Прежде всего следователь должен правильно (с точки зрения той области знаний, по которой потребовалось привлечение сведущих лиц) понять содержание и значение заключения эксперта.

В то же время результаты экспертных исследований отнюдь не воспринимаются субъектом доказывания как абсолютно достоверные, бесспорные данные. Как правило, они в той или иной степени подвергаются критическому анализу со стороны следователя. Тем более что российское законодательство и правовая наука не знают каких-либо исключительных доказательств. Заключение эксперта, как и другие доказательства, должно быть оценено следователем. Несмотря на высокую степень научности, ни одно заключение эксперта не может приниматься на веру. Такая оценка доказательств, с точки зрения информационного взаимодействия, является одним из условий формирования тождественных знаний у субъекта доказывания.

Прежде всего, как любое доказательство, следователь должен оценить заключение эксперта с точки зрения допустимости, относимости, достоверности и доказательственного значения. По отношению к заключению эксперта его *допустимость* определяется тем, что

должен быть соблюден процессуальный порядок и условия производства судебной экспертизы (статьи 195–207 УПК РФ). *Относимость* заключения эксперта определяется тем, что его выводы способствуют установлению обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 6 УПК уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Таким образом, факты, установленные экспертным исследованием, могут быть оправдательными по отношению к подозреваемому или обвиняемому. Но, тем не менее, такое заключение эксперта, как доказательство, также обладает свойством относимости.

Определение *достоверности* заключения эксперта является обычно наиболее сложным и ответственным элементом его оценки. В ходе такой оценки субъект доказывания контекстно-зависимую информацию, содержащуюся в заключении эксперта, преобразует в своем интеллекте в собственную контекстно-зависимую информацию, коррелирующую с его полем знаний о расследуемом преступном событии. Достоверность заключения устанавливается как путем анализа его самого, его содержания и внутренней структуры, так и посредством сопоставления его с другими доказательствами, оценки его в их совокупности.

Прежде всего оценке подлежит общее научное положение, из которого исходил эксперт (большая посылка). По сложившейся практике экспертизы проводят по зарекомендовавшим себя, апробированным экспертным методикам. Тем не менее за следователем остается бесспорное право проверки этой надежности, в частности, путем допроса эксперта или собирания других дополнительных доказательств.

Кроме того, субъект и объект экспертного познания являются образованиями сложными, изменяющимися и всякий раз особенными, неповторимыми, что, в свою очередь, усложняет процесс информационного взаимодействия в процессе извлечения криминалистической информации из контекстно-независимого источника.

Свойства исследуемого объекта (вид, его видоизмененность, механизм образования, степень сохранности и т. д.), безусловно, оказывают влияние на процесс экспертного познания, делают его то более, то менее сложным и могут отражаться на конечном результате познания.

В еще большей степени результат познания зависит от познающего субъекта, от состояния его органов чувств (зрение, осязание, слух), от его внимательности, опыта, знаний, владения техническими приемами исследования, умения логично мыслить, овладения научной методологией экспертного познания и других качеств. Иногда вывод зависит даже от концепции, которой придерживается эксперт в том или ином спорном либо недостаточном ясном вопросе. Так, И.Г. Вермель при рассмотрении критериев оценки судебно-медицинского заключения отмечает, что «...до введения действующих «Правил определения степени тяжести телесных повреждений» (1961) проникающие ранения грудной клетки без повреждения внутренних органов

при благоприятном течении одними авторами оценивались как тяжкие, другими – как легкие с расстройством здоровья. Аналогично сейчас решается вопрос о причине смерти в случае сочетания сердечно-сосудистой патологии и высокой концентрации алкоголя в крови и моче (Е.А. Литвак)» [5, с. 13–14].

Говоря о влиянии личностных качеств субъекта на результат познания, необходимо отметить, что многое зависит от подготовки эксперта, от «школы», которую он прошел. Не секрет, что, как и в любой сфере деятельности, встречаются недобросовестные эксперты, эксперты с низкой квалификацией. Но в то же время можно привести множество примеров, когда некачественные заключения были даны опытными и, по общему мнению, квалифицированными экспертами.

Таким образом, процесс познания при производстве судебных экспертиз достаточно сложен сам по себе, а кроме того, зависит от целого ряда факторов и обстоятельств. И хотя в подавляющем большинстве случаев экспертиза дает субъекту доказывания тождественное знание о конкретном обстоятельстве расследуемого события, всегда существует возможность судебной ошибки. Именно поэтому при получении знаний из содержания экспертного заключения следователь не должен ограничиваться простым их тиражированием. Он обязан произвести его оценку во взаимосвязи с другими доказательствами (поскольку эксперт исследует весьма малую часть уголовного дела, которая связана только с одним из многих материальных образований, без связи с другими), а также с учетом описанных выше особенностей объекта и субъекта судебной экспертизы. Учитывая сказанное, необходимо оговориться, что знания эксперта относительно исследуемого объекта могут быть тождественными, но относительно хотя бы части расследуемого события они всегда будут тождественно-неполными. В результате такой мыслительной деятельности следователя он сможет стать обладателем тождественно-полного знания о той, или иной части исследуемого события (об одной из материальных точек целого).

В зависимости от доказываемого факта доказательственное значение заключения эксперта может быть весьма различным. В тех случаях, когда заключение эксперта доказывает одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания), его проверка и оценка должна быть проведена особенно тщательно. Однако чаще заключение устанавливает какие-либо доказательственные факты (например, при идентификации обуви, следов пальцев рук, орудия преступления и т. п.).

Особенности оценки заключения эксперта, хотя и оцениваются по тем же правилам, что и другие доказательства, заключаются в том, что: во-первых, при определении его доказательственного значения очень важно правильное понимание логической формы экспертного вывода, его смысла. Многие ошибки в такой оценке происходят из-за неправильного понимания вывода, неправильной трактовки вывода (часто вероятные выводы принимают за категоричные, что, безусловно, отражается на доказательственной способности заключения эксперта); во-вторых, при оценке доказательственного значения заключения эксперта нужно обращать внимание на полноту заключения, объем разрешенных экспертом вопросов.

В целом, такой вид информационного взаимодействия представляется как сложное и специфическое взаимодействие – между источником контекстно-независимой информации и экспертом (в свою очередь, эксперт при проведении некоторых исследований применяет различные приборы, т. е. происходит взаимодействие между экспертом и машиной, между экспертом и субъектом доказывания посредством заключения эксперта, в котором изложен познавательный образ (знания) о некоторых сторонах, свойствах и признаках объекта). Некоторые приборы (линейка, микрометр, лупы, микроскоп и др.) уточняют при исследовании показания человеческих недостаточно совершенных органов чувств, делают их более объективными. Таким образом, эти приборы являются частью гносеологического субъекта. Они объективны как материально существующие вещи, но субъективны в том отношении, что задуманы и спроектированы субъектом, являются как бы продолжением его органов чувств, увеличивают его познавательные возможности. Сложнее обстоит дело с более сложными устройствами (например, газовый хроматограф, спектрограф и др.). При их применении процесс выглядит как взаимодействие между объектами. В действительности созданный человеческим разумом аппарат и в этом случае служит частью субъекта, является, по выражению Л.К. Битинайте, «объективизированным, общественным органом чувств», принадлежащим не какому-то отдельному человеку, а субъекту вообще, обществу. [6, с. 13–21]. При этом приборы «совершенствуют» наши органы чувств, а результаты познания при этом меньше зависят от личности эксперта, т. е. становятся более объективными.

Циркулирующая в информационном взаимодействии «следователь – эксперт» информация по своему характеру является правовой и неправовой. Особое значение в этой системе имеет правовая информация, которая содержится в положениях УПК РФ и ведомственных нормативных актах, регулирующих проведение экспертиз.

Движение информации при осуществлении управленческого процесса, которым в некотором приближении можно назвать назначение и производство экспертизы, происходит в двух направлениях.

При этом различают: 1) управляющую информацию, исходящую от управляющего субъекта, и 2) осведомляющую информацию, получаемую субъектом управления от управляемого объекта. Потoki информации противоположного направления текут по каналам прямой и обратной связи [7].

По каналу прямой связи субъект доказывания передает эксперту задание и обеспечивает его необходимой для его исполнения информацией. Обратная связь при таком информационном взаимодействии «эксперт-субъект доказывания» обеспечивается субъектом доказывания. В этом случае передается информация об обстоятельствах, по которым были поставлены вопросы.

Осведомляющая информация, на наш взгляд, поступает в порядке обратной связи к субъекту доказывания либо по его собственной инициативе, либо по инициативе самого эксперта. В последнем случае сложный и многогранный механизм обратной связи может охватывать несколько каналов осведомляющей информации. Таким образом, при информационном взаимодей-

ствии при производстве экспертизы к субъекту доказывания (лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или суду) осведомляющая информация поступает как от руководителя экспертного учреждения, заведующего его подразделением, так и от эксперта. В этом проявляется и активность эксперта.

Если к субъекту не поступает необходимый поток сведений, то прекращается необходимая для процесса взаимодействия циркуляция информации.

Необходимо иметь в виду, что при информационном взаимодействии «следователь – эксперт» погрешности системы информационного взаимодействия почти всегда являются погрешностями протекания информации, особенно погрешностями обратной связи.

В процессе осуществления информационного обмена при производстве экспертизы формируются каналы прямой и обратной связи между следователем и экспертом, обеспечивающие в процессе взаимодействия циркуляцию информации от субъекта доказывания к эксперту и обратно. При получении информации по каналам обратной связи следователь может регулировать ход расследования, планируя те или иные следственные действия, разрабатывать их тактику и т. п.

Необходимо отметить, что при производстве экспертизы эксперт сам, в установленных рамках, способен выбрать целесообразный путь выполнения поставленных перед ним задач и подобрать необходимые для его обеспечения средства. Оптимальное сочетание кор-

ректно поставленных перед экспертом вопросов с оптимальной методикой проведения экспертного исследования является важнейшим условием эффективности процесса проведения экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селина Е.Я. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. М., 2003. 64 с.
2. Зверев И.В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 21 с.
3. РФ. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. // Консультант Плюс : информационно-правовая система. Режим доступа : www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154774/ (дата обращения 15.02.2013)
4. Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999. 429 с.
5. Вермель И.Г. Вопросы теории судебно-медицинского заключения. М., 1979. 128 с.
6. Битинайте Л.К. Диалектика субъекта-объекта и проблема эмпирического и теоретического уровней познания // Проблемы диалектического материализма. М., 1972. Вып. 2. С. 13–21.
7. Афанасьев В.Г. Некоторые проблемы управления в развитом социалистическом обществе // Научное управление обществом. М., 1980. Вып. 13. С. 75–78.

INFORMATION EXCHANGE OF THE INVESTIGATOR WITH THE EXPERT

© 2014

E.V. Pisarev, candidate of juridical sciences, Associate Professor of the Department of Criminal-Legal Subjects
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: criminalistic information; information exchange; expert; expert's conclusion; evidence; investigator; identical reflection.

Annotation: The study of aspects of information exchange of a subject of evidence with an expert is motivated by the uniqueness of the expert procedural status, since he, as well as an investigator, takes part in evidence forming – he makes the expert's conclusions. The conclusion of expert is a complex according to the form and content criminal evidence. The investigator, while learning the facts of criminal event by the investigation of the expert's conclusions, does not co-operate directly with an object but studies cognitive content which is already expressed. In this case, the analysis of the object takes place, although this analysis is accomplished not by the direct co-operation with the object but by the study of that cognitive content that is already expressed. In this case, a sign system is not the «second reality» that substitutes the «first reality» – the world of real objects – in the process of learning but is just a method of possible cognitive activity of the subject of evidence with the only reality he deals with in the process of cognition – with a real object. But the object in this case comes before the investigator not directly, as a tangible item, trace (as by the view of place of occurrence), but indirectly, through the other persons' vision.

The article demolishes points of view according to which the subject of evidence is unable to estimate the scientific validity of the expert's conclusions. The process of cognition during the expert investigation procedure is complicated enough, and, in addition, it depends on the number of factors and circumstances. As any other evidence, the conclusion of expert should be estimated by an investigator according to its admissibility, relevancy, and reliability and the evidentiary value. The expert's conclusion admissibility depends on the full accordance to the requirements of article 204 of CPC. The relevancy and reliability of such evidence characterize the research part of the expert's conclusion and the findings. From the point of view of information exchange, such evaluation of evidence is one of the conditions for creating the identical knowledge of the evidence subject.